

18+

Людмила Волынская

*Давай
оставим все
как есть*

Людмила Волынская

Давай оставим все как есть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51936714

ISBN 9785449852366

Аннотация

Приходя в этот мир, мы запрограммированы на счастье. Но каждый видит его по-своему, и для достижения своей мечты каждый выбирает свой путь. По прошествии пяти лет семейной жизни сорокалетний герой с разочарованием осознает, что то, к чему он все эти годы так стремился, оказалось всего лишь иллюзией счастья. Но выхода из создавшегося положения не видит. Все меняет случайная встреча. Правильно ли воспользовался герой этой подсказкой судьбы, решать читателю.

Давай оставим все как есть

Людмила Волынская

© Людмила Волынская, 2020

ISBN 978-5-4498-5236-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДАВАЙ ОСТАВИМ ВСЕ КАК ЕСТЬ.

Все события и персонажи вымышлены, все совпадения случайны

Бывают в нашей жизни встречи, которые, как вспышки молний

Вдруг озаряют, нарушая обыденность и монотонность дней,

Когда шальной капризный случай, чужими судьбами играя,

Влетает в нашу жизнь, как ветер летит в распахнутую дверь...

Автор

Декабрь лютовал. Ишь как взялся. То ли обижался, что в последний черед поставили, то ли со старым годом расставаться не хотел.

Прикурив, Алекс затаился и сквозь густую пелену дыма смерил Ходака прищуренным взглядом. Его заместитель Александр Ходаковский, которого все на фирме звали не иначе как Ходак, внешность имел довольно приятную. Но сейчас он напоминал ощипанную куру с синюшным оттенком.

– Как настрой? – спросил Ходак, потирая руки и переминаясь с ноги на ногу.

– Как-то оно будет, – ответил Алекс, неопределенно пожав плечами. – Давай по делу...

– По делу так по делу, – кивнул Ходак с напряженно сосредоточенным видом.

– Что ты Ивану сказал?

– Как договорились. Он, кстати, сегодня дважды звонил.

– Как же, Новый год на носу. Душа праздника просит. Будет ему подарочек, – Алекс снова затаился, пройдясь взглядом по перрону. – Расклады меняются. Если опять позвонит – меня нет. Я тебе докладывать не обязан.

– Что ты надумал?

– Надумал, Саша. Зажрался. Мало ему.

– Но все вроде наладилось, – Ходак не сводил с Алекса напряженного взгляда. – Зачем рисковать зря?

– И я о том же, – кивнул Алекс, глядя себе под ноги. – Он – лишняя пешка в нашей игре. Это в своей он ферзем был. Нет, он в чужую лезет. Не остановится, поверь. Не заставишь себя уважать – будешь у параша спать. Все, пока, – протянул он Ходаку руку. – Как с мебелью?

– Приедешь, увидишь, – лаконично ответил Ходак, пожимая протянутую руку.

Вагон показался ему мрачным и холодным, как этот декабрьский день. Мерно покачиваясь под четкий ступ колес, Алекс расслабился. Вспомнилось детство, когда так же, сидя в переполненных электричках, добирался с мамой до дачи. За окном мелькали столбы, поля, перелески, растворяясь в морозной дымке уходящего декабря. А перед глазами мелькала прожитая жизнь.

Рос он безотцовщиной. Не беспризорником из подворотни. Был у него отец, да только погиб нелепо – под колесами грузовика. Детство его прошло в коммуналке, как летний дождь – весело, шумно, быстротечно. Молодость – шаблонно. Служба в ВДВ, комиссование, х декабрьский вечер. физмат пединститута, неудавшаяся попытка поступить в аспирантуру. Не больно-то он туда и рвался, глядя, как большинство из окружавшей его ученой братии, беззаветно любя себя в науке, удовлетворяло за государственные деньги свои непомерные амбиции. Потерявшись в дебрях пресных застойных времен, валял дурака, перебиваясь репетиторством, штампуя курсовики и дипломные работы для жаждущих

«выбиться в люди» остолопов. Разрушивший прежний строй свежий ветер перемен вывел его из этого аморфного состояния. Гипнотизер исчез, а вместе с ним, и навеянные им иллюзии. Многие в то время, оставшись без поводыря, растерялись, утратили ориентиры. У него же получилось наоборот. Как в былые армейские годы, вновь ощутил он остроту восприятия жизни, нагло отсеченную одним неудачным прыжком. Словно судьба давала ему новый шанс. Захотелось испробовать себя, вот и бросился он, очертя голову, в омут нового времени. Однако, изо дня в день вращаясь в круговороте новой жизни, он мало-помалу стал в ней разочаровываться. То ли недоставало засеянного в голову с детских лет привычного дурмана? Не привлекало его такое начисто лишённое иллюзий существование, потому что в его понимании, трудно было назвать жизнью рассекание на «крутом» иностранном старье и непере译ный головняк – как бы набить баблом карманы. Хотелось другого – чистого, настоящего. Вроде и было оно – как линия горизонта. Сколько ни приближайся, отдалялась. Наконец, трезво рассудив, что имея реальное, нечего гоняться за призраками, он вынырнул. Но вынырнул уже не простодушным двадцатисемилетним Алешей, а поднаторевшим в своем деле, расчетливым тридцатитрехлетним Алексом, учредителем процветающей фирмы «Алекс». Вот тебе и физика с математикой. У жизни свои законы. Не все ли равно, что да как от космической скорости сжимается? Тебя и на земле так прижать могут, что

невидимкой станешь. Не все ли равно, Земля вокруг Солнца вращается или наоборот? От того, постиг ты это или нет, она вращаться по-другому не станет. Лесов на ней много, на его век хватит. Вот он из этих лесочков денежки понемногу и выколачивал. Как получалось.

Годы свое брали, как в свою очередь, и он от них. Разделенная незримой чертой нравственности, жизнь его раздвоилась. Чистая искренняя ее часть осталась подле мамы вместе с сыновней любовью. В эту жизнь кроме мамы он долго не впускал ни одной женщины. Не нашлось таких. Зато в другой изматывающе деловой ее части их у него хватало: роскошных, веселых, готовых, как говорится, по первому зову...

Сколько искать? Надо было определяться. В тридцать три, будучи богом в своих владениях такого пока удачливого бизнеса, он решился. Ирония судьбы... Тоже Алька.

Мама обрадовалась, надеясь, что Алька – не что иное, как Алевтина, уже заранее отождествляя невестку с этим прекрасным русским именем. Но оказалось – Алиса. Не умищивала она сладкими словами, а резала правду как ножом. В первый же вечер, побывав у них дома, мельком взглянув на портрет отца, она шепнула ему: «А ты весь в него. Наверное, тоже по бабам бегал?» Так горько стало от этих слов, будто плюнула она своей правдой в то светлое и чистое, что привила ему мама с малых лет. Бегал или не бегал, какое это имело значение? Если и было, давно отошло вместе с ним,

а чистая мамина любовь осталась. Остался он, Алька, с такой же чистой душой. А эта кукла... Поздно. Окольцевала своими крепенькими коготками. Правильно. Где гулял, там и отыскал. Нормальный двадцатидвухлетний бабасик, полный комплект. Для повседневной жизни в самый раз. И квартирку его трехкомнатную за его же денежки обустроила, и себя подать умела, и его, мужа, выгодно представить. А любила ли? Может, и любила. Все они его любили, хитренькие городские сыроежки, такого прочного боровичка. Но повезло Альке. Да и ему, пожалуй, повезло с ней. Жизнь эта девочка понимала правильно и на его волю не особо посягала. Подуется иногда, выдавливая из себя ревность, чтобы его, дурачка, утешить. Но дурачок-то понимал, что ревновать его по большому счету было не к кому. К облапанным мужской похотливостью девкам? Смешно. Возвращался-то он к Альке и ребенка хотел от нее. Не получалось. И проверялись, и проблем с этим вроде не было. А пять лет – впустую. Жизнь оставалась пустой. Да и Алька переживала. Успокаивал. Не верила. И понеслось... Упреки, скандалы. Хоть, в сущности, и скандалов-то настоящих, от души до крови не получалось. Однoboкими они были. Она кричала, он молчал. Но домой после этого идти не хотелось. Лучше уж с сыроежками. Они хоть и не давали не фига, но и поедом не ели.

Фортуна поворачивалась к нему незрячей стороной. У жизни свои законы. Если дает, то щедро, если отнимает,

то властно. Неумолимое время рождало новых героев. Они цепко держались за жизнь, проворно взбираясь на ее пьедестал. Он же, будучи уверенным в своем стабильно прибыльном до подноготной изученном им бизнесе, недооценил чужие силы. В кои-то веки, расслабившись, он позволил себе включить режим сохранения энергии. Но вскоре ощутил, что в марафонской гонке под названием жизнь допустил непростительный промах. Оторваться теперь можно было, разве что, удвоив силу. А силы уже не те. И желание, пожалуй, тоже. Слишком хорошо он знал, что ждет его на той высоте, с которой жизнь понемногу начала его сталкивать.

2

Так все и шло до того непривычно холодного августовского вечера. Домой не спешилось. Хотелось подышать свежим воздухом, окунуться в прохладу. Это очищало, возвращая в малой мере то, что успело растеряться с годами. Русский-то он, может быть, и новый, но со старой, прежней душой остался. Ни то ни се. Средним получился.

Миновав Исаакиевскую площадь, прихрамывая, пошел он дальше. Почему-то ноги сами повели к Мойке. Ясно, почему. Вот так бы – камень на шею, и сигануть с мостика. Тоскливо огляделся вокруг. Скверная штука жизнь... Поди ж ты, держисься, из последних сил цепляешься.

Окунувшись в невеселые думы, хромал он в вечерних

сумерках по безлюдной аллее. То припускал, то моросил противный мелкий дождь. Мокрая листва неприятно липла к туфлям, ветер развевал полы плаща, с презрением бросая в лицо горсти мелких капель. Каждый шаг отдавался в нем тупой болью. Прогулка не получалась. Домой бы, пожалуй. Может, хоть сегодня без сцен обойдется.

Скользнув взглядом по переулку, Алекс остановился, стер о поребрик прилипшую к подошве листву. И за машиной не с руки возвращаться, и до метро топать, и такси здесь не поймаешь. Питер, Питер... Здесь бы только перевороты устраивать. Разве можно здесь жить спокойно уставшему человеку? Не для этого в тебя вложил свою бунтарскую душу Великий Петр. Знал бы он, что из этого получится...

Внезапно взгляд его скользнул по женщине, одиноко сидевшей на лавке. Мокро ведь. Вроде не замечала. Понуро уставившись перед собой, дымила она сигаретой. Мозг его ослепительной вспышкой озарило единственное желание – закурить. Непослушными мокрыми пальцами Алекс достал сигарету и привычно пошарил по карману. Зажигалки не было. Не складывалось у него с зажигалками. Но сейчас... Подойти бы, огоньку попросить. Сама же от чего-то прикурила? Да и пройти-то всего ничего. Но что-то останавливало, что-то не пускало. То ли взгляд ее задумчиво-печальный, то ли вид ее устало-отрешенный. Станный вид. Непонятный. Казалось, что послать могла элементарно, и в то же время думалось, что могла спокойно протянуть зажигалку, со-

грев теплотой своих серых глаз. Почему серых? Чертовщина какая-то... Какая разница, каких? На кой они ему, ее глаза? Замороженная жизнью среднестатистическая русская баба. «Да миллионы таких», – говорил холодный рассудок. «Истерзанная женщина», – шептало сердце. «Тебе-то что? Ты ее терзал? – не унимался рассудок. – Да и женского в ней, увы, маловато. Разве что глаза. Серые глаза... Тьфу ты! Зеленые, карие, осел! Успокойся!»

Но ноги уже вели. Странно. Он этого совсем не хотел. Не слушались, проклятые. Подойдет, и что дальше? Спросит, какого цвета у нее глаза? Точно пошлет. Ах нет, огоньку бы... Может, протянет.

Алекс подошел почти вплотную. Женщина вздрогнула от неожиданности и подняла к нему... большие серые глаза! Алекс оторопел. Женщина непонимающим взглядом скользнула по нему, виновато улыбнулась, достала из кармана зажигалку и протянула ему.

«Ведьма...» – подумал Алекс и взглянул на свою руку. Правильно, увидела сигарету и поняла. На кой бы еще она ему сдалась? «Сдалась...» – мысли эхом отозвались в его сердце.

«Свихнулся. Жалкий неудачник. У тебя глаза в заднице?» – парировал рассудок. «Пошли», – сказали губы.

Съездившись, словно испугавшись этих слов, она тревожно посмотрела ему в глаза. Ни единого проблеска мысли. Одно желание. Обладать ею? Нет. Быть рядом. Сейчас, сию ми-

нута. Он вдруг ощутил – вот оно, то, что он так жадно искал. Ничего не смог бы он объяснить в эту минуту. Да и незачем было. Она уже поднималась. Идти?.. Куда?.. Пошла она. Алекс – рядом. Ноги грузно ступали по мокрому ковру опалых листьев, дождь прохладным душем окроплял обуревающий его огонь неясных мыслей и желаний.

Женщина свернула во двор. Он – за ней. Тихо застучали каблучки по асфальту, чередуясь с частым шлепаньем по лужам, гулким эхом отбиваясь от потемневших от влаги стен старых домов.

Тихо скрипнула дверь парадной, несколько ступенек, поворот ключа в замке – все это лихорадочно фиксировал его мозг. Хотя в эту минуту он даже приблизительно не знал, где находится: на какой улице, в каком городе, да и на каком свете. Слишком уж нереальным все ему сейчас представлялось: темный с неясными очертаниями мебели коридор, комната с обтянутым черной кожей старым диваном, увитый вазонной зеленью подоконник. А за окном дождь. Мелкие капли разбивались о стекло и тихо сползали по нему, соединяясь в ручейки, меняя русло, разъединяясь, снова сливаясь воедино. Было еще что-то. Но он почему-то запомнил только это: диван, сочную зелень, дождь и ее глаза, в бездонной глубине которых были его счастье и покой.

Не смея взглянуть на него, с обреченным видом застыла она в полумраке комнаты. Сняв плащ, он подошел к ней и властно начал снимать с нее то, что в быту именовалось

одеждой. Но сейчас он не видел, что снимал. Она покори-
лась без единого звука, но в глазах отразилась такая боль,
что руки его невольно опустились. Он замер в нерешитель-
ности. Боль отступила, а может, нет, но она сама начала раз-
деваться. Он не помнил, как сорвал с себя одежду. Помнил
только ее бледное тело на матово-черной коже дивана. Он
ощущал его, словно дурманом обволакиваемый его пьяня-
щей теплотой. Он растворялся в убегающих и снова прибли-
жающихся ее глазах. Он касался губами дождевых капель,
заплутавшихся в ее волосах. Он жадно прижимал к себе это
худенькое тело, ощущая на себе его слабые объятия. Так хо-
телось подольше задержаться в этих робких нежных объяти-
ях, в этой тихой мучительно приятной мелодии своего тела,
но сладостный миг уже обволакивал его сознание дурманя-
щей пеленой. И даже сквозь эту пелену он видел ее глаза.
Только ее глаза... Он боялся оторваться от них, как корабль
от маяка в бушующем море. И эти глаза все поняли. Они
проникли в его душу тихим светом, развеяв страх и холод
одиночества. И душа оттаяла. Она оттаяла от обыкновенно-
го человеческого участия. Как мало, оказывается, человеку
нужно для счастья...

Приподнявшись, он уперся локтем в кожу дивана. Она за-
мерла, прикрыв руками грудь и потупив взгляд. И вдруг он
потерял эту связь.

Ловко освободившись из его объятий, она подхватила
одежду и замерла в напряженной нерешительности. Неуже-

ли безвозвратно? Жаль... Все в этом мире имеет свое начало и свой конец.

Он встал с дивана и, боясь невпопад уроненным словом разорвать еле ощутимые нити этой внезапной связи, начал одеваться. Пусть так. Лучше молча уйти. Да и сказать, собственно, нечего. Надев пиджак, он достал из внутреннего кармана пятидесятидолларовую купюру и бросил на диван. Да она бы и не повернулась. Не до этого ей было. Всем своим видом она сейчас просила, умоляла об одном – оставить ее в покое.

Надев плащ, он замер в нерешительности. Никакой реакции с ее стороны.

«Неудобно получилось», – подумал он, выходя из комнаты. Минуя коридор, прикрыл за собой входную дверь. Не закрыл, а неосознанно прикрыл. Спустился по ступенькам.

Под напором ветра слабо поскрипывала на старых проржавевших петлях распахнутая дверь. Дождь расплакался всерьез и надолго. В сгустившихся сумерках пролетали одинокие листья и падали в частую рябь расплывшихся луж. Прислонившись к дверному косяку, Алекс смотрел бездумным взглядом в никуда. Отчаянно хотелось курить. Вынув сигарету, он машинально похлопал по карману. У кого бы прикурить? У дождя, разве что... Курить хотелось все сильнее. Ноги сами повели его обратно. Кому нужен этот обман? Не мог он просто так уйти. Слишком многое он там приобрел, и слишком многое там оставил.

Взлетев по ступенькам, он открыл дверь. Бесшумно минуя коридор, он вошел в полумрак знакомой комнаты.

Полуодетая, она все еще сидела на диване и, сжимая в руках примятую купюру, содрогалась в беззвучных рыданиях.

Не раздеваясь, он присел рядом с ней. На мгновение она замерла, но не удивилась, не повернулась.

– Я не хотел тебя обидеть, – сказал он, прикрыв рукой ее колено.

– Я знаю, – тихо ответила она.

– Отчего же ты плачешь? – спросил он ей в затылок.

– Стыдно... от счастья, наверное.

– Чем же я тебя так осчастливил? – с еле ощутимой иронией спросил Алекс.

– Не надо, ... – с болью ответила она.

– Как тебя зовут? – поспешил он исправить оплошность.

– Ольга... Ивановна, – нерешительно добавила она неуместный довесок к своему имени.

– Ну уж... так-таки, Ивановна, – простодушно улыбнулся Алекс, сминая пальцами сигарету, – а если Оля? Можно? Дай зажигалку.

– Возьми в куртке, – кивнула Ольга, поспешно застегивая ряд мелких частых пуговиц своей блузки.

Достав зажигалку, Алекс с удивлением взглянул на нее. Долго... Снималось вроде быстрее. Поискав взглядом пепельницу, он взял со стола разрезанную пивную банку. Прикурив, снова сел на диван, глядя, как она впопыхах надевала

промокшие брюки.

Взгляд скользил по узким бедрам, слегка вьющимся прядям русых волос, прикрывающих невыразительное, хоть и без явных изъянов, ее лицо. Застегнув молнию, она ладонью откинула назад волосы. Встретившись с ней взглядом, он снова ощутил необъяснимую притягательную силу ее глаз.

– Сядь со мной, – щурясь от дыма, сказал Алекс. – Одна здесь живешь?

– Я не, ... – присев на краешек дивана, она запнулась и отвела взгляд. – Я здесь квартиру снимала. Завтра съезжать... Ничего, найду что-нибудь, – с неумело скрываемым чувством неловкости добавила она.

– Значит, не местная?

– Нет.

– А дома?..

На миг задумавшись, она нехотя ответила.

– Сын у меня. С бабушкой дома остался.

Вопросы сыпались градом. А все не то, не то...

– А ты, что ж сюда-то? Зачем? – с недоумением посмотрел на нее Алекс.

– Все за тем же, ... – ответила Ольга, взглядом указав на смятую купюру.

– Ну-ну, ... – задумчиво произнес он, машинально стряхивая пепел. – А...

– Нет, это нет, – предупредив его вопрос, с испугом отве-

тила она и тотчас мягко, словно извиняясь, добавила, – это впервые.

Ну, в этом-то он не сомневался.

– Я верну тебе потом, – не поднимая головы, продолжала она. – У меня сейчас ни копейки, правда.

– На деревню дедушке, – беззлобно поддел ее Алекс и добродушно добавил, – брось, я себе еще нарисую.

Ольга обратила к нему недоуменный взгляд. «Вроде женщина взрослая, – промелькнуло в его голове, – как ребенок». Да и в сублильной внешности ее было что-то противоречивое. Ни дать ни взять – сорокалетний подросток. Потрепала, видно, жизнь, потрепала... А во взгляде что-то чистое, по-детски наивное. «Смесь бульдога с носорогом», ... – пришли почему-то на ум неуместные слова.

– Впервые здесь?

– В молодости приезжала с подругами, но города толком не знаю.

Как-то быстро завязался у них незамысловатый разговор. Ничего вроде особенного, но душа раскрывалась, как бутон от теплых солнечных лучей.

– Думаешь, туристы знают? Местные за всю жизнь, может, пару-тройку раз в музеях бывают, да и то в лучшем случае. Намотаешься за неделю по метро да электричкам, уже не до Авроры и не до Кунсткамеры. Да и никуда все это не денется, – дымил он сигаретой под искренне заинтересованным ее взглядом.

– Да, если здесь жить, – согласилась она. – А для приезжих? Дух захватывает.

– Питер не для бедных, – задумчиво изрек Алекс и, тотчас спохватившись, добавил, – ничего личного. Он и задумывался, и строился с царским размахом. На чужих костях, – одно за другим накатывали воспоминания, как Невские волны на гранитные плиты. – Питер, он другой. Холодный чопорный. Его непросто постичь, пока не пропитаешься им, пока не увязнешь в нем навсегда, как в непролазном Чертовом болоте, – Алекс повернулся к ней. – Правда, правда... Питер воздвигнут на этих болотах.

– Ты так увлекательно говоришь, – согрела она его добрым взглядом заплаканных глаз.

– Просто люблю его до слез. Слякотно, сыро, а нигде больше не смог бы жить. Здесь и люди особенные. Даже в тесноте и склоках коммуналок они все равно какие-то терпеливые. Может, потому, что натерпелись. Или, шут его знает, может, и вправду зодчие вложили в него бессмертные души? Я слышал, у себя в Италии они так не творили. Я и сам в коммуналке рос. Обратная сторона медали... Об этом тоже немало сказано – мрачные проходные дворы, пропахшие кошками парадные... Наша кошками не пахла. Я никогда никому об этом не говорил, веришь? А с тобой как прорвало.

– Я даже не знаю, как тебя зовут...

– Алексей. Нифонтов. Если угодно, тоже Иванович, – слегка привстав, с легкой улыбкой учтиво поклонился

Алекс. – Чаем угостишь?

– Да-да, – поспешно ответила Ольга, – только у меня к чаю ничего нет.

– А ничего и не надо. Продрог просто.

– И сахар закончился, Алеша, – виновато добавила она. Но получилось как-то просто, по-домашнему.

Алеша... А ведь он действительно был Алешей только для мамы, а для остальных – Алексом. Уже и привык к этому за столько-то лет. А мама так и не смогла. Из недр подсознания нахлынула на него волна странных мыслей. Аля, Оля... – почти одинаково. А разница между тем огромная. Жenu он чаще всего называл Алей, иногда шутливо – Алькой. А вот Ольгу, то бишь Ольгу Ивановну, как бы он назвал? Оленька. Да, именно Оленька, и не иначе. По-другому ей не шло. Странные мысли. Странный вечер. Вообще, все это странно. Но уходить не хотелось, что само по себе тоже было не менее странным.

– Что в имени тебе моем,... – задумчиво произнес он.

Расслабившись, он прислонился к спинке дивана. Как хорошо... Давно так хорошо не было.

– Сними плащ, – светло улыбнувшись, она поднялась с дивана.

– погоди! Ты куда?! – схватил он ее за руку.

– Так, чай ведь... сам просил, – ответила она с недоумением.

Резко поднявшись, Алекс сорвал с себя плащ.

– Оля... Оленька... Так можно? – прошептал он ей на ухо.

– Не надо, – отстранившись, она потупила взор. – Ты не будешь звать меня никак. Случайная встреча. Так бывает. Ты... женат?

– Да, – ответил он, плюхнувшись на диван. – Но детей нет. Наверное, уже и не будет.

– Тебе, пожалуй, пора, – переведя взгляд на окно, неуверенно сказала она.

– А чай?.. – в надежде хоть за что-то зацепиться, попытался он пошутить.

– Так ведь без сахара, – искренне ответила она.

Неужели не понимает? Какой чай? При чем здесь чай? Да шут с ним, с чаем.

– Я останусь у тебя. Можно? – глядя на нее в упор, спросил он.

– Не понимаю я тебя, – пожала она плечами. – Ты что, с женой поссорился?

– Сам с собой я поссорился, – вздохнув, ответил он.

– Бывает, – кивнула она и перевела на него вопросительный взгляд, – другого места не нашлось?

– Не то чтобы совсем. Хорошо мне с тобой, – искренне ответил он. – Просто, уютно. Так ведь тоже бывает.

– А подошел почему? – простодушно спросила она.

– Глаза твои хотел увидеть. Они ведь серые. Я так и подумал.

– Странно...

– Мне самому странно. Накатило, – ухмыльнувшись, Алекс потер ладонью затылок. – Черт... попробуй, объясни такое. А ты вроде как тоже со своим поссорилась?

Переведя задумчивый взгляд на окно, она безрадостно ответила:

– Не с кем стало ссориться. Неплохо жили, пока деньги были. Муж инженером работал, я в школе преподавала. А потом... все как у всех. Завод закрыли, мне платить перестали. Он в ларек пошел торговать, выпивать стал. Когда жизнь опускает, разве только Мюнхгаузен способен вытащить себя за волосы. У нас не получилось. Ушла с сыном к маме, решила попытать здесь удачу. Работа есть, чтобы сводить концы с концами. А надо же своим помогать.

– Устроим,... – задумчиво произнес он.

– Зачем я тебе? – взглянула она на него с недоумением.

– Я бы и сам хотел знать, – неопределенно ответил он.

– Как накатило, так и откатит.

Обхватив руками ее колени, Алекс уткнулся в них лицом.

– Я останусь... а?

– Как хочешь, – глядя на него сверху вниз, провела она ладонью по его спине, – только у меня есть нечего.

– Ты голодна? – вскинул он к ней глаза.

– Нет, – слабо улыбнулась она ему в ответ.

– Ну и я – нет. А то ведь можно пойти поужинать, – с этими словами Алекс посадил ее на колени.

– Красивый ты, – она коснулась пальцами шапки его гу-

стых волос.

Он не удивился. Не она одна так считала. Сам себе он казался огрубелым, что внутри, что снаружи. Заматеревший холеный мужик. В молодости таким вообще не заморачивался. После армии хотелось просто ходить. Хромой кавалер... Будь ты хоть семи пядей во лбу или красавец писанный, кто на такого посмотрит? Он показал ей свою широкую ладонь, ладонь рабочего человека.

– Это тоже нравится? – стрельнув в нее ироничным взглядом, спросил он.

Плавно проводя пальцами по его ладони, внимательно рассматривая ее, словно, не слыша его слов, она улыбнулась:

– Комплименты любишь? – вернула она ему ироничный взгляд. – Красивая мужская рука. Ни убавить, ни прибавить.

– Почему не прибавить? Многим больше нравятся холеные руки.

– Это можно развивать бесконечно. Многим нравится и рафинированная жизнь, пока сами не выпадут в осадок.

– Хм, – неопределенно поведя бровями, ответил он, – а нам с тобой скучно не будет.

– То есть?.. – насторожено спросила она. – Ты к чему это?

– Мне бы тоже хотелось знать, к чему эта встреча. Сыну деньги посылать будешь. Дам. А муж... пусть пьет. Пока на даче у меня поживешь. Потом что-нибудь придумаем. Ужинать пойдем?

– Не надо, – вставая, решительно ответила она. – Иди до-

мой. Поздно, жена волнуется.

– Но ты ведь этого не хочешь, – он снова привлек ее к себе. – Не хочешь, я же вижу.

– Просто у тебя все получается, – безрадостно заметила она, пожав плечами.

– А счастье вообще вещь простая, как беременность – либо есть, либо нет, – пытливо глядя на нее снизу вверх, добродушно улыбнулся он. – Кстати, как у тебя с этим?

– С чем, со счастьем? – откинув ладонью нависшие волосы, недоуменно спросила она.

Действительно как ребенок.

– Нет, со вторым.

– Может, пронесет, – ответила она, помрачнев.

– Вот бы не пронесло, – совершенно серьезно ответил Алекс.

– Что ты говоришь? – испуганно сказала она, словно его желание что-то меняло. – Ты... неудобно мне так, – разомкнув его объятия, она присела рядом с ним.

Какое-то время они молчали, думая каждый о своем. Потом она тихо сказала:

– Вот ведь как бывает. Сегодня мне жить не хотелось, а сейчас... Может, я сплю?

– Спишь, – коснувшись губами ее виска, он прошептал ей на ухо, – и не просыпайся, не то я тебя потеряю. Думаешь, мне хотелось? Менять что-то надо. А что, не знал. Теперь знаю. Затянули петельку на моей шее. Алиса скоро сама ме-

ня бросит. Она без чудес не может. А тебе, думаю, сказки ни к чему. Лучше хлеб с водой, чем каравай с бедой. На даче крыша прохудилась. Я почию, и жить можно.

– Вдруг жена приедет?

– Спроси лучше, знает ли она вообще, где эта дача. Там только мама бывает, да и то летом.

– Не хочу я с обмана. На чужом горе счастья не построишь. Подыщу себе что-нибудь.

– Конечно, горе, – прислонившись к спинке дивана, сказал он. – Муж квартиру купил, машину подарил, на шею себе посадил. Кому такое терять охота? А ты со мной безо всего этого смогла бы? С ноля бы начать смогла?

В ответ она покачала головой.

– Таких как я сейчас пруд пруди. Одной в любом случае хуже.

– Видно, не в любом, раз ты от мужа ушла, – заметил он. – От добра добра не ищут.

– Дача ваша далеко? – уклончиво ответила она. – Мне на работу добираться надо будет.

– Как все, пригородной электричкой. У нас дом в поселке. Сперва работу надо найти, – деловым тоном ответил Алекс и вдруг с задоринкой напомнил, – ужинать пойдем?

Она неловко пожала плечами.

– Не в чем мне идти. Все мое на мне, да и то промокло.

– Проблема, ... – вытянул он губы в трубочку. – Тогда я сметаюсь. Что купить?

– А что ты любишь? – светло улыбнулась она.

– Я тебя люблю и сейчас тебя съем, – с этими словами он сгреб ее в охапку и угрожающе зарычал.

Коснувшись губами податливо влажных ее губ, он снова ощутил, как душа его воспаряет к небесам. Наваждение какое-то... Обхватив ладонями ее лицо, он серьезно добавил:

– А ехать-то на дачу надо сегодня. Завтра я занят весь день. Такие пироги получаются...

Как просто и легко слетели с губ эти слова. Как в действительности все было сложно. Он подумал о жене. Ждет. Не спит, точно. А он так бездумно, как пацан... И в то же время он понимал, что никакая сила в мире не способна заставить его сейчас вернуться домой. Завтра может быть поздно. До завтра еще целая ночь. Вдруг пройдет это наваждение, вдруг она исчезнет из его жизни? Все, что угодно, только не это. Сейчас он взлетел. И на землю опуститься было немислимо. Но как ей сказать об этом? Еще, чего доброго, за сумасшедшего примет. А вдруг поверит? Ведь в шутку он ей уже признался в этом. Так то ведь в шутку... Это не налагало на него никаких обязательств, это сорвалось с губ и улетело, это и воспринялось ею, как шутка.

– Что я делаю, ... – прикрыв глаза, сдавив ладонями виски, прошептала она, слегка раскачиваясь при этом.

– Послушай, ... – неуверенно начал он, – то, что я хочу сказать, тебе покажется странным. Сегодня все странно и непонятно. Но я не ребенок, чтобы разбрасываться словами. По-

хоже, крепко ты меня зацепила.

Запрокинув руками ее голову, он видел, что все она понимала. Губы не ответили ни слова. За них сказали глаза.

– Собирай свои пожитки, – он решился нарушить эту чарующую тишину, – прокатимся с ветерком.

– Нечего собирать. Пакет только, – смутилась она. – Ты... деньги возьми. Квартиру я за месяц оплатила. А вот как получилось, только две недели и дали пожить.

Она вышла из комнаты, и до него донесся шум воды. Вскоре она вернулась с пакетом.

– Бери, бери, не выдумывай, – Алекс взял со стола купюру и сунул в пакет.

3

Должно быть, судьбе захотелось подшутить над ними всласть. Захлопнув дверь, Алекс наткнулся взглядом на поднимавшегося по ступенькам своего бухгалтера Семушкина. Даже в кепке огромная башка выдавала своего хозяина – добродушного дядьку, предпочитающего никогда ничему не удивляться. Но на сей раз глаза Павла Афанасьевича плавно полезли на лоб. Окинув мимолетным взглядом Ольгу, он поманил Алекса пальцем.

– Разговор есть, Алекс. Тэт-а-тэт. Шесть секунд, мадам, не больше, – обратился он к Ольге.

Ольга молча кивнула и стала спускаться по ступенькам.

– Чего тебе? – нахмурился Алекс.

– Ох-ох-ох... Что жизнь с людьми делает? – явно намекая на Ольгу, печально закивал своей квадратной башкой Семушкин. – Твоя Алиса дома тоской исходит. Обзвонилась уже. Что ты там делал? – квадратная башка кивнула на дверь.

– А что мужик с бабой может делать? – попытался отшутиться Алекс.

– Извращенец... Какого же ты лешего в пустую-то квартиру полез?

– Она снимала. Завтра съезжает, – отрезал Алекс, не собираясь задерживаться.

Семушкин пристально посмотрел на Алекса.

– Ну, что она сняла, сам вижу, не слепой. А ключики-то от квартирki у меня. Хозяева на днях возвращаются. Насколько мне известно, никто ни у кого ничего не снимал. Денег ее я в глаза не видел. Вижу, баба новая мелькает. Думал, в гости к кому-то приехала. Догуляешься ты, Алекс, до цугундера, помяни мое слово, – протрубил Семушкин.

– Ты че, офигел?! – сбитый с толку, набросился на него Алекс.

– Сам ты офигел. Пусти, – отрезал Семушкин, оторвав его руки от своей куртки. – Скажи спасибо, что на меня нарвался. Ты там не наследил? Если что, убери. Как я людям в глаза смотреть буду?

Не укладывалось все это в его голове. Пытаясь осмыслить эту новость, Алекс с сомнением ответил:

– Ну, окурки в пепельнице,...

– Окурки?.. – задумался Семушкин. – А, шут с ними. Старик дымит как паровоз. Они у него по всей квартире разбросаны. Пузырек раздавим при случае, и я обо всем забыл. А с бабой этой поосторожнее, не влипни.

– Добро. Спасибо, Афанасьич. Ящик ставлю, молчи только, – попросил Алекс.

– Смотри, я тебя за язык не тянул. А давши слово, сам знаешь, – ухватился за обещание Семушкин.

– Будет тебе, будет, – собираясь уходить, отмахнулся Алекс, – кто дежурит?

– Темка, – протрубил Семушкин.

– Так кому Алиса звонила? – остановившись, вспомнил он о жене.

– Ну не мне же?! – пожал плечами Семушкин. – На кой я ей сдался? Чего тебе нейметя? Дурак ты, Алекс. От такой бабы нос воротить. Мне бы годков двадцать сбросить, я бы ее загонял, – наклонившись, по-дружески подмигнул он Алексу.

– Ты бы на ее барахло повкалывал, нечем бы гонять было, – раздраженно бросил он.

– Других-то, вижу, есть чем.

– Много ты понимаешь, – огрызнулся Алекс и вдруг, ни с того ни с сего выпалил, – я женюсь на ней.

Семушкин оторопело уставился на Алекса, но тотчас со смехом протрубил своим раскатистым басом, уткнувшись

пальцем ему в грудь:

– Во, во... и в домушники. На пару. А куда ж ее, – гоготал он, покатываясь со смеху, – только по квартирам шагать. И люди не видят, и опять же, прибыльно, – насмеявшись всласть, он положил руку Алексу на плечо. – Отдохни. Съезди куда-нибудь с женой, развейся. Свихнулся ты на своей работе, вот дурь в голову и прет.

Алекс не мигая смотрел на Семушкина. Ему было сейчас безразлично, что тот думает. Волновало одно – неужели это правда?

– Домой езжай, – вывел его из оцепенения голос Семушкина. – Я сказал – встреча у тебя, деловая.

– С кем? – погруженный в свои мысли, не сразу сообразил Алекс.

– С марсианами, кретин,... – бросил на ходу Семушкин, тяжело поднимаясь по лестнице.

«Кажется, влип», – подумал Алекс, спускаясь по ступенькам.

Развеяв тучи, ветер прогнал постылый дождь. Прижимая к себе пакет, Ольга поеживалась от холода. Фонарь ярко освещал ее щуплую фигуру. Не раздумывая, Алекс направился к ней.

– Дай пакет, – пытаясь скрыть подозрение, сказал он ровным спокойным тоном.

Она покорно подала пакет. При свете фонаря он стал

бесцеремонно рассматривать его содержимое. Пару кофточек, белье, туалетные принадлежности. В кошельке сиротливо лежала пятидесятидолларовая купюра. Он облегченно вздохнул и только сейчас вспомнил о ней. Явно ничего не понимая, она не сводила с него перепуганных глаз. Да... неудобно получилось.

– Не обижайся, – Алекс взял ее за руку, – пойдем, я все объясню. Влипли бы мы с тобой крепко, останься здесь на ночь.

– Не понимаю, ... – стуча каблучками по асфальту, она еле поспевала за ним.

– Квартиру эту никто сдавать не собирался, – ответил он, не поворачиваясь.

– А ключ?! – Ольга не сводила с него глаз. – Не пальцем же я открывала?

– Такой замок я бы и пальцем открыл, – бросил Алекс.

– А что ты в пакете искал? – не унималась она.

– Ключ, – не раздумывая, соврал Алекс.

– Мог бы сказать, я бы дала. Вот, – с этими словами она протянула ему небольшой ключик.

Алекс окинул ее теплым взглядом. Поверила. Точно, поверила. Вот такие и попадают. Несправедливо...

– Откуда ты об этом узнал? – семеня за ним, удрученно спросила она.

– Сотрудник сказал, он здесь живет. Ты же видела его.

– Неужели правда?! – воскликнула Ольга, глядя на него

полными слез, кажущимися сейчас черными глазами.

– Ох, провинциальная душа, – вздохнул Алекс.

– А у вас все ушлые? – обиделась она.

Алекс посмотрел на нее сверху вниз. Запыхалась, бедная.

– Успокойся, все нормально.

Дальше шли молча. Прихрамывая, размахивая пакетом, Алекс шел семимильными шагами. Ольга же своими частыми шажками то и дело подбегала за ним. Завидев родные пенаты, он сказал:

– Сейчас машину возьму. Подожди здесь.

По всему было видно, что эта новость нешуточно хлестнула по ней. Он улыбнулся, пытаясь приободрить ее.

– У меня в бардачке НЗ лежит. Стресс снимешь.

Устремив вдаль унылый взгляд, она кивнула.

– Осталось еще напиток.

– Маловато там, чтобы напиток, – улыбнулся он, – а расслабиться – в самый раз. Все, стой здесь. Я мигом.

Алекс взлетел по ступенькам, кивнув растерянному Темке – охраннику в здании, где находился его офис.

Здесь, как и в большинстве старых домов, помимо парадной, была, ведущая во двор, черная лестница. Служащие парковались все больше во дворе, на ночь закрывавшемся воротами.

Минуя проходную, Алекс крикнул на ходу.

– Ворота открой.

Резко открыв дверку, он сел и, повернув ключ, завел мо-

тор. Лишь на миг эхом отозвались в его мозгу Олины слова: «Что я делаю?..»

Поздно. Ворота открывали свой зев, и он чувствовал, как его затягивает туда неведомая сила. Тронулся. Выехав за ворота, он поискал ее взглядом.

– Ты где?

Растерянная, она вышла из-за ствола старого каштана и села рядом с ним.

– Прямо, как радистка Кэт, – рассмеялся Алекс. – От кого ты прячешься?

– Не знаю, – с усталым видом ответила Ольга.

Алекс наполнил коньяком две крошечные рюмочки. Одну дал ей.

– Не ради пьянства окаянного,... – сказал он и залпом осушил свою рюмку.

Ольга же отпивала понемногу, чем только рассмешила его.

– Да что там цедить-то, – весело подмигнул он ей, – туда его, и все. Пусть работает. Нечего зря в бутылке дурака валять.

Допив, она прикрыла ладошкой рот и отдала ему пустую рюмку. Алекс не спеша тронулся с места. Включил магнито-лу. По салону разлилась знакомая мелодия.

Feelings, nothing more than feelings. Trying to forget my feelings of love...

Teardrops rolling down on my face. Trying to forget my

feelings of love...

Легко распахивая душу, нежные звуки увлекали в молодость. Почему-то эта песня вызывала в его памяти одну и ту же картину: рассеченная бровь, россыпи звезд над пеленой сигаретного дыма, дурман в голове то ли от дешевого портвейна, то ли от близости прильнувшей к груди любимой девочки. Уже и имени-то ее не помнил...

Коньяк приятным теплом разливался по телу. Но Ольга-то, Ольга?! Сжалась вся. Уснула, что ли? Да и проехали-то всего ничего. Нечего сказать, веселенькая попутчица.

– Соня, сядь поудобнее. Что ты вся съежилась? Границу пересекли. Это тебе сам Штирлиц говорит.

Какое-то время ехали молча, но вдруг ни с того ни с сего, уронив голову на колени, Ольга заплакала. Тихо горестно безысходно.

Алекс съехал на обочину.

– Да что стряслось-то? – он обнял ее за плечи и привлек к себе.

– Не знаю, – прошептала она сквозь всхлипывания. – Брось меня, оставь... Зачем я тебе? Сколько таких? Всех не согреешь,... – вытирая слезы и все еще всхлипывая, она нащупывала ручку двери.

Прижав ее к себе, Алекс молча поглаживал ее по спине.

Хорошо, – думал он, – пусть эта боль выйдет, видно, много ее накопилось.

Этой боли и у него накопилось не меньше. Поднятые ко-

ньячными парами, плясали в голове путаные мысли: «Довольно, сорвался с крючка. Я рыбку им ловить не буду... А жить-то на что? Вот в чем вопрос,...» – мысли, кусаясь и споря, теснились в его голове.

Рядом, прижавшись к его груди, выливала слезами свое горе беззащитная женщина. В темноте, подсвечивая фарами, шипящим свистом вспарывая ночную тишину, проносились автомобили. Позади иллюминацией ярких огней сверкал самобытный нестареющий город.

Над необъятным миром, окруженным мириадами звезд, одновременно сверкало яркое Солнце, и сияла золотая Луна, как одновременно в нем рождались и умирали, плакали и смеялись, любили и ненавидели, находили и теряли. Непонятно, зачем неведомая сила, отыскав среди этого непрерывного движения двух одиноких путников, бросила их в объятия друг другу. Как им, простым смертным, было понять логическую силу ее законов? Чтобы хоть как-то удержаться наплаву, они могли лишь ухватиться друг за друга.

Всхлипывания становились все реже, тише и, наконец, стихли.

– Вот и ладненько, – сказал Алекс, поглаживая ее по волосам. – Уйдешь ты, что дальше? Пойми, мы нужны друг другу. Будем как-то жить. Дай время.

Ольга не ответила, глядя на него печальным понимающим взглядом.

Сонный поселок встретил их тишиной. Объезжая выбоины, Алекс осторожно вел машину.

Подъехав к дому, он заглушил мотор и взглянул на нее. Дремала.

Неудачно стал. Кое-как перепрыгнул через лужу. Жадно вдыхая прохладный воздух, расправил плечи. Где-то лениво залаял пес, ответил другой. И снова все смолкло.

Открыв дверку, она с тревогой спросила: «Приехали?»

– Приехали, – ответил он, открывая ворота. – Погоди выходить. Сейчас во двор заеду. Чего зря ноги мочить?

Заехав, он вышел из машины и направился к дому. С детских лет он помнил здесь все до мелочей. Хоть идти в такой темноте было, что с завязанными глазами, он похромал по тропинке к дому и, пошарив рукой под лавкой, нащупал ключ.

Окликнув ее, он вставил ключ в замочную скважину и несколько раз повернул.

Выйдя из машины, Ольга поежилась и, прижимая к себе пакет, поспешила под крыльцо.

– Это у нас запасной. Да и замки у нас от честных воров, – вынув ключ, он открыл настежь дверь и нащупал выключатель. – Милости прошу к нашему шалашу.

Одна за другой открывались двери. Комнаты были небольшие, окна были закрыты ставнями.

– Завтра отопру, – сказал Алекс, внимательно осматривая стены и пол. – Что ж, иди, знакомься. Тебе здесь жить.

Ольга переходила из комнаты в комнату, с интересом разглядывая каждую. Всего же их было четыре – по две комнаты справа и слева от коридора. Одна комната за ненадобностью была заперта. Остальные были обставлены неприятно. Первая большая комната служила одновременно кухней и столовой. Оттесняя газовую плиту с баллоном на задний план, в глаза бросался буфет и стол со стульями, явно из одного (небедного) гарнитура. Кружевные салфетки на кроватных подушках, на тумбочке и даже на крышке швейной машинки свидетельствовали об искусности и щепетильности хозяйки второй комнаты. Лишь приткнутая в углу кровати гитара выделялась из дружного женского ансамбля. Третью комнату тоже можно было бы закрыть за ненадобностью, если бы ее не использовали в качестве склада старых вещей. На столике у окна пустой аквариум соседствовал с клеткой для птиц, рядом подпирал стену велосипед «Орленок». Добрую половину противоположной стены закрывал внушительных размеров старинный платяной шкаф. Рядом с ним втиснулся закрытый старым покрывалом диван «Малютка», на котором громоздились разных размеров коробки.

Алекс поманил Ольгу в коридор и открыл следующую дверь. За ней находилась большая застекленная до половины с трех сторон веранда, где перед диваном стоял длинный стол.

Он уселся на диван и кивком указал на стеклянную дверь.

– Эта дверь выходит в сад. Завтра посмотришь. Здесь красиво. У входа, может, ты не заметила, слева дверь ведет в пристройку. Когда подвели водопровод, загорелся поначалу с ванной. Думал, летом семьей приезжать будем. Не сложилось. Надо будет кабину душевую поставить, пока до ума там все доведу. Вообще-то, соседи за домом присматривают. Бывать здесь, я почти не бываю, но плачу исправно. Мама просила крышу починить, да все руки не доходили, – виновато сказал он и обнял Ольгу за плечо. – Заездила жизнь... Так оно теплее, а?

Поднявшись, он направился на кухню и, слегка наклонив баллон, качнул его.

– Ну, чай-то у нас сегодня будет, – открыв буфет, он осмотрел его содержимое. – И к чаю кое-что найдется. Я маму обычно на лето затариваю. Сейчас принесу воды из колодца. Тебе никуда не надо? Могу показать.

– Нет, – улыбнулась Ольга, до сих пор молча наблюдавшая за ним.

Алекс смерил ее насмешливым взглядом.

– Не радуйся раньше времени. Как бы потом плакать не пришлось. Усну – пушкой не разбудишь. Сама-то, небось, побоишься? – с этими словами он взял ведро, фонарик и вышел во двор.

Видимо, сосед дядя Миша зазнобу свою, городскую соседку, уважал крепко, потому и службу нес исправно. Не успел

Алекс подойти к колодцу, как вдруг, откуда ни возьмись, перед глазами его появилась двустволка, а за ней и сам ее хозяин. Алекс-то его сразу узнал, потому и не испугался. А дядя Миша его в темноте не признал. И немудрено. Когда его в последний раз здесь видел?

– Положь ведро, – грозно начал сосед, двинувшись на Алекса, – не то следом за ним отправишься! Вода дурь из башки быстро вышибет!

– Здорово, дядь Миша, – широко улыбнувшись, добродушно ответил Алекс, – богатым буду, раз не узнали.

От слов этих дядя Миша замер, соображая, как ему быть дальше.

– Алеша, ты, что ли?

Пристально вглядывался он в Алекса, смешно вытягивая при этом шею.

– А кому здесь еще быть кроме меня?

Алекс начал набирать воду, понимая, что логичнее было бы объяснить свое появление здесь.

Но дядя Миша и сам из догадливых был, да и память имел неплохую. Пару лет назад Алекс на время приютил на даче своего снабженца, сбежавшего от праведного гнева ревнивой жены. Тот на радостях угостил патрона. Причастился и удачно вписавшийся в их компанию дядя Миша, да так, что потом ему самому невестка выговаривала. Бабы крики выветрились из головы вместе с похмельем, а приятную компанию разве ж забудешь?

– Опять с друзьями приехал? – залихватски подмигнув, спросил он.

Двустволка от греха подальше ретировалась на задний план.

– Нет, – переливая воду в ведро, Алекс соображал, как это понатуральнее представить. – Сестра приехала. У мамы в коммуналке тесно, а здесь дом все равно пустует.

– Сестра? Что-то я о ней раньше не слыхал... Откуда она взялась?

Дядя Миша недоверчиво покосился на Алекса. Алекс ухмыльнулся. Он и сам не прочь был знать.

– По отцовской линии, – выкрутился он. – Сейчас же все друг друга ищут. Вот и она разыскала.

– Дык, от него уже, поди, одни кости остались. Чего ей припекло?

– Работу найти здесь хочет. Просила помочь.

– И что ж, сама теперь здесь жить будет? – не отставал дядя Миша.

– Пока сама, потом, может, сына заберет, – прикуривая, Алекс продолжал напирать на родственные чувства.

– Цыгаркой угостишь? – отставив двустволку, попросил дядя Миша и, прикурив, мечтательно затянулся. – Дык, как теперь с вазонками быть? Ей отдать?

– С какими вазонками?

– Мать твоя нам завсегда перед отъездом на хранение оставляет. Чудная, вроде за окном живности мало. Нет бы,

с хорошим человеком сойтись, дык она с вазонками, как с малыми детьми нянькается.

– На себя намекаете?

– А хоча бы и так! – выпятил грудь дядя Миша. – Одним-одна столько лет, и я вдовий. Хоч и не начальник, как покойный папаша твой Иван Силантьич, а и человек неплохой.

– Все, дядь Миша, – понимая, что сосед будет переливать из пустого в порожнее, пока не угостится, сказал Алекс. – Как-нибудь выберу время, вместе по сто грамм выпьем. А пока что можете спать спокойно.

Сосед с чувством выполненного долга отправился на боковую. У Алекса на душе кошки скребли. И впрямь неприятно с обмана начинать.

Ольга встретила его на пороге тревожным взглядом.

– Что случилось?

Казалось бы, ничего не значившие эти слова снова развеяли его сомнения. «Лиха беда начало, – подумал он. – Устанится».

– Ничего не случилось, – ответил он, закрывая дверь изнутри, – соседа встретил, поговорили.

Затем он взялся переносить коробки из своей комнаты на веранду.

– Остатки роскоши, – пристраивая коробки у стены, пошутил он. – Мама половину соседям раздала. Потом это на чердак перенесу.

Ольга заглянула в коробки. Все они были набиты китайским ширпотребом.

– Почему ты хромаешь? – заметила она. – Ногу подвернул?

– Ага, – доставая из кейса таблетки, ответил Алекс. – В армии. Неудачно приземлился. Мениск удалось спасти, но провалялся в больницах немало. Из-за этого полгода и не дослужил. Комиссовали. Сейчас время от времени прихватывает. Стараюсь поменьше ходить. Потому и тучный. Сбросить бы лишний вес, была бы поменьше нагрузка. А без нагрузки, как его сбросишь?

– Может, я чайник поставлю? – робко напомнила она.

– Само собой, – запивая таблетки, спохватился Алекс. – Пошарь в буфете. Заодно и поужинаем.

Поглядывая, как Ольга управляется на кухне, он между делом говорил:

– Я когда-то тоже преподавал, недолго. Мама все зудила, чтобы поступал в аспирантуру. С работы уволился, но так и не поступил. Пошел на вольные хлеба. И, знаешь, не пожалел. Раньше проще было раскрутиться. На этом поднялся, переключился на другое. Что не распродал, сюда сгрузил.

Через полчаса они с аппетитом уплетали тушенку с галетами, запивая горячим ароматным чаем.

А потом была ночь. Их первая ночь в уютном закутке за старым платяным шкафом... Вот бы так же спрятаться от неотступных проблем, будь они неладны... Разве что не думать о них, вернуться памятью в беззаботное детство.

– Это моя вотчина, – по очереди выхватывая взглядом из полумрака комнаты немые спутники своего детства, говорил он. – Питер я помню все больше серым и слякотным. А здесь всегда было солнечно. Или мне так казалось, потому что бывали здесь с мамой летом. Озера здесь красивые. Вода холодная, а все равно ныряли с пацанами до стука в зубах. Когда-то нашли в лесу полуживую сороку. Вдвоем выходили. Она потом прилетала к нам и смешно так ходила следом. У алкаша одного за ночь оборвали все яблоки в саду за то, что убил свою собаку. Она слепая была, старая. Навернулся через нее спьяну и убил. На «Орленке» набивал себе шишки и ссадины, пока руку не сломал. Кость срослась, велик дядя Миша починил, заодно объяснил мне, чего стоило маме наскрести на этот велик. В Питере тоже друзей хватало, по чердакам лазили, проходные дворы вдоль и поперек прочесывали. Но воспоминания какие-то затертые с яркими пятнами. Октябрюта-пионеры-комсомол. Служба, то отдельная песня. Поначалу в ней, правда, больше воя было. Понял, как мужиками становятся. Домой вернулся потерянным. Случалось, неделями не вставал. С таким подарком не на всякую работу пойдешь. Разве что детей уму-разуму учить. Дембелям полагались льготы, поступил на физ-

мат. Поначалу не тянуло меня тусоваться со студенческой братией. То ли дело испытанная армейская дружба. В первый же год после дембеля собрались у меня летом отмечать День ВДВ. Ну и закончили вусмерть бухие на общей кухне дембельскими песнями. Если бы не мамин авторитет, закончилось бы это в другом месте. Мало-помалу приспособился к взрослой жизни в городском муравейнике. По распределению попал в небольшой городок. Работа скучная, хозяйка склочная, жизнь тоскливая. Уволился. Настали другие времена. Создали кооператив. Патент был копеечный, налоги минимальные. Работы непаханое поле. Я заказчиков искал, ребята строили. Все больше коровники да свинарники, ну и так, по мелочи. Сейчас смешно вспоминать, а тогда деловыми себя считали. Потом разошлись. Когда бедными были как церковные мыши, умудрялись впятером три копейки разделить. А вместе с жирком пообрасли амбициями. Я первый ушел. Они без заказов тоже недолго продержались. Один свою бригаду набрал, сейчас у него строительная фирма. Остальные – кто куда. Кто – пояса шить, кто – браслеты штамповать. Я зарекся с кем-то дело иметь, купил ларьки и забил китайским добром. Тогда все на ура шло. Вот и докатился до жизни такой. Хоть мама поначалу пилила. Как вспомню, так вздрогну.

– А отец? – прижавшись щекой к его плечу, спросила притихшая Ольга. – Ты только о маме говоришь. Они разошлись?

– Нет, он погиб, – с сожалением ответил Алекс. – Сбила машина. Помню его отрывисто, да и то немного. Помню, как прыгал к нему в постель и тянул за нос от обиды, что не удавалось его побороть. Помню, маме он подарил пушистый платок (елка тогда стояла), а я ревел, потому что хотел грузовичок как у друга Сережки Кутузова, а получил медвежонка. Появился грузовичок. Когда я видел его в костюме, робел, и почему-то хотелось потрогать его галстук. Вот и все, что я помню. Еще гитара от него осталась, в маминой комнате. Сам брэнчал когда-то, да так и не научился.

Ему вдруг захотелось поэкспериментировать. Он включил настольную лампу, взял с тумбочки фотографию в рамке и протянул ей.

– Я ее в детстве все время под подушку прятал. Маме это надоело, и она вставила ее в рамку. Замуж она больше не вышла.

– Ты на него похож, – рассматривая фотографию, задумчиво сказала она. – Те, кого мы любим, для нас не умирают. Они становятся частью нас самих.

Вот оно. В точку. Прямо в сердце. Именно таких слов он от нее и ждал.

– Он, наверное, был таким же добрым, – сказала она, ставя фотографию на место.

– Я разный, Оленька, ... – печально ответил Алекс. – Все зависит от того, с кем общаешься. Иногда себя переламаываешь. Отвратительное чувство. Но не всегда из меркантиль-

ности, просто не хочется обидеть человека. А с тобой я без маски на лице и без фальши в душе. Может, потому легко. Кстати, для соседей побудь пока моей сестрой.

– Как бы ты себе проблем не нажил.

– Куда уж больше, – обняв ее за плечо, сказал он ей в волосы. – Все утрясется. Да и Алька со временем поймет.

– Почему ты ее так называешь?

– А я к ней и отношусь так же. Она моложе меня на десять лет.

– Красивая?

– Не без этого, ... – уклончиво ответил Алекс.

– Не знаю, что ты во мне нашел, – упавшим тоном сказала

Ольга.

– Позволь уж мне самому решать, что мне нужно. Мне кажется, тебя ничто не испортит – ни деньги, ни наряды. Ты вон над полтинником слезы проливала, а у моей жены одно платьице на пару сот потянет со всеми аксессуарами, будь оно неладно. Было бы одно, так ведь полон шкаф тряпья. Она весь мой доход прибылью считает и по барабану ей, как мне ее обналичить, – добродушно закончил он.

– Она не работает?

– Дома не сидит, только денег не зарабатывает. Все жалел, на возраст списывал.

– Прости, не стоило мне спрашивать.

– Почему? По большому счету мне ее не в чем упрекнуть. Жизнь какая-то... Крутишься как белка в колесе, а сдунь

с нее баксы, пустота останется. Но без тебя все равно не смогу от нее отказаться. Зацепиться не за что.

Ольга тяжело вздохнула.

– Журавль в небе заманчивее. Но синица, как ни крути, ближе.

Алекс нащупал на тумбочке пачку сигарет, достал одну и прикурил.

– Хочешь? – протянул он ей пачку.

– Нет, – покачала она головой. – Ты слишком часто куришь.

– Слишком много переживаю, – нервно глубоко затянувшись, бросил Алекс. – Не каждый день такое случается. Думаешь, как я женился? Серенады пел или стихи читал? Ее вполне устраивали мои деньги. Я понимал это с самого начала. И она понимала, что я понимал. Познакомились в одной компании. Понравилась. Женился. Я и сам тогда толком не знал, что мне нужно.

Алекс не стал вдаваться в подробности о том, что познакомились они в клубе у его друга, который время от времени под видом различных кастингов для конкурсов устраивал смотрины для бабловитых мужиков. Долгое время комплексовал он из-за своей хромоты. Потому и решился так поздно.

– Ты не обидишься, если я прямо спрошу? – провел он рукой по ее волосам.

– Спрашивай, – согласилась она, – сегодня у нас с тобой что-то вроде ночи откровений.

– Ты-то сама, почему пошла со мной, раз говоришь, что впервые?

Пришло время задуматься ей. Какое-то время они лежали неподвижно, скованные ночной темнотой. Послышался ее легкий вздох.

– Все в жизни когда-нибудь случается впервые, – ее слова отдавали горчинкой. – Я и шла-то, ни о чем не думая. То есть, я предполагала, ... – она вдруг запнулась и тотчас выплеснула наболевшее, – наверное, тоже все один к одному сложилось... И за душой ни гроша, и терять было нечего. Если бы убил – туда мне и дорога.

– Это судьба, Оленька, ... – Алекс прижал ее к себе и поцеловал в висок.

– Ты так ласково меня называешь, – Ольга подняла к нему глаза, – и так часто повторяешь мое имя.

– Мне приятно, – добродушно ответил он. – Тебе оно идет, и только так. Не люблю я длинных имен. Жена – Алька. Ходаковский, зам мой – Ходак. Он, кстати, в жену мою влюблен. Думает – я не знаю. Секрет Полишинеля. А моего бухгалтера видела? Какая башка у него... квадратная, зато золотая. Золотая башка получается. И не обидно вроде, а говорил – язык вырвет. Правильно башка варит, на то она и золотая. Маринка, секретарша наша – Мэри. Да, есть еще Маргарита Семеновна. Мама Рита – и все дела. Ей приятно, а мне короче. А тесть с тещей, ... – Алекс рассмеялся. – У нас всего-то десять лет разницы. Какое там имя-отчество? Да

и Эдик Миклин, тестюшка мой ненаглядный, крепко на моей шее зацепился. Того и гляди, меня по имени-отчеству называть начнет. А Мария Марковна, мать Алисы... Должно, но приходится. Она еще ни разу ни о чем меня не попросила. Думает, я не знаю, что мужа своего накручивает. Как же мне не знать, если у меня дома точная ее копия? – Алекс повернулся к Ольге и задорно подмигнул ей. – А и ничего... я ее про себя МММ называю.

Ольга рассмеялась.

– Чего зря язык напрягать? Он хоть и без костей, а изнашивается. А у тебя имя короткое, но так хочется его растянуть, – коснулся он губами ее щеки. – Холодная... Придется тебя согревать, – тяжело повернувшись, Алекс наклонился над ней и провел ладонью по ее волосам. – Вот ведь как получается – и называть хочется, и согревать хочется, а расставаться с тобой не хочется. Ничего, ночь длинная. Сегодня не дам тебе уснуть. Завтра отоспишься. Завтра не приеду, Оленька.

– Я понимаю, ... – растаяли в темноте ее слова.

– Вряд ли, ... – вздохнул Алекс и, повернувшись на спину, заложил руку за голову. – После работы надо будет с женой поговорить.

– Как?... – вырвалось у нее.

– А как ты думала? – ответил он с печальной улыбкой. – Случалось у меня, конечно. Но по большому счету я ей не изменял. Слишком долго жил один. Привык к такой жизни. Да

и семейные неурядицы... сама понимаешь. Но сейчас не тот случай. Ты-то сама ко мне хоть что-нибудь чувствуешь? Может, я здесь зря распинаясь? – спросил он спокойно. Если бы она могла знать, чего стоило ему это «спокойно». – Только правду. Не бойся, не оставлю. В любом случае деньгами помогу.

Какое-то время их разделяла мертвая тишина.

– Не стоит об этом говорить, ты женат. Да ты и сам знаешь, – эти слова захватывали своей неподкупной правдивостью.

– Говори, – твердо, словно приговор, отчеканил Алекс.

– Знакомство у нас с тобой началось так, ... после чего сразу понимаешь – либо – да, либо –нет.

– Так, да или нет?

– Да, – закрыв глаза, словно вытолкнула она из себя.

А губы жадно искали в темноте ее губы, а руки страстно сжимали ее тело, а

мысли улетели далеко от этих слов... Улетели и не вернулись.

6

Долго лежала она в темноте без сна. Дождь мелкой дробью выстукивал по подоконнику, что это ей не пригрезилось, не приснилось. Она осторожно убрала его ладонь со своей груди. Он протяжно вздохнул, но не повернулся.

В последнее время, то и дело уворачиваясь от капризных ударов судьбы, она перестала что-либо понимать в своей жизни. Даже надеяться перестала. Для этого не было сил. Все мысли были лишь о том, чтобы выжить. Выжить любой ценой. Она провела ладонью по его широкой груди и прижалась щекой к его плечу. Так вот какую цену запросила у нее жизнь... Но платить-то придется той, другой, его жене. А ей – либо согласиться, либо отказаться от него. Память цепко удерживала непрестанно режущие по сердцу недавние мытарства, доверчивые глаза матери и сына. А ей нечего, совершенно нечего было им сказать... И вот она, новая жизнь, о которой она только слышала, о которой даже мечтать не смела. Вместо желанной корочки хлеба судьба милостиво одарила ее куском пирога. Теперь она даже мысленно не могла отказаться от этого человека. Хоть он обещал не оставить ее в любом случае, и она почему-то верила ему. Так в чем же дело? Урвать побольше захотелось? Захотелось. Он пробудил в ней женщину, жизнью загнанную в угол, униженную нищетой и беспомощностью до такой степени, что ее как бы вовсе не стало. А теперь ее озябшая душа оттаяла. Она уже и позабыла, как это хорошо – быть желанной. Сейчас она была переполнена любовью и нежностью. Но странный привкус был у этого чувства. Не сомневаясь в искренности его слов, она все же сомневалась в здравости его рассудка. Видно, допекло человека, раз он рискнул искать утешения у незнакомой женщины. Она разделит с ним его участь,

отогреет его, воздаст ему за его доброту. Мысли становились ленивыми, тело тяжелым, на душе было сладостно.

«Странно, ... – вбирая запах его тела, думала она, – разве можно вдруг так без памяти прикипеть душой к совершенно незнакомому человеку? Наверное, можно, раз это уже случилось...»

7

Под утро она уснула. А он так и не смог уснуть. Вот тебе и сублильная. Сколько чувственности... Попробуй, расстанься с такой. Он согревал ее в своих объятиях и был безмерно счастлив. Впервые и по-настоящему.

Пытаясь не разбудить ее, он взглянул на часы, осторожно встал с дивана и пошел одеваться в соседнюю комнату. Плащ еще не просох. Ну и шут с ним. Заглянул к Ольге. Откинув полусогнутую руку на подушку, она спала безмятежным сном. Не хотелось оставлять ее одну. Но... надо.

Пройдя по коридору, Алекс тихо открыл входную дверь и вышел в сырое промозглое утро. Он как-то отвык уже в суетной городской жизни своей замечать, как восходит солнце, как оно заходит. Он просто не видел этого. Он просто об этом не думал. Утро для него обычно начиналось вереницей привычных проблем, ими же заканчивался и его день. А сейчас... Все казалось здесь сказочным, нереальным. Сквозь плотную пелену тумана едва просматривались

очертания домов и деревьев, окутанных сладкой дремой. Алекс поднял голову. На листочках старой развесистой яблони замерли прозрачные капли, готовые сорваться при малейшем дуновении ветерка. Но ветра не было. Воздух был свеж и прохладен. И не надыхаться... Прогрев мотор, он выехал за ворота.

Бессонная ночь сказалась на его самочувствии. Голова раскалывалась, болела, налитая свинцовой тяжестью, нога. Да кто его об этом спрашивал? Хочешь жить, вертись с больной ногой и с глупой головой, которой по ночам спать не хочется.

При въезде в город он остановился у первого попавшегося быстро и выпил две чашки кофе. Заехав в офис, он худо-бедно привел себя в порядок.

Начинался привычный рабочий день... Сутра у него была назначена встреча с управляющим банка, которую на прошлой неделе пообещал ему устроить приятель. Теперь любой ценой надо было держать фасон, раз уж сам напросился. Получилось – не зря. Удалось договориться о предоставлении кредита на выгодных условиях для предполагающейся закупки нового оборудования. Осталось дело за малым – сторговаться с покупателями морально изношенных, но вполне еще физически работающих станков. Сам когда-то так же вот начинал.

Интуитивно Алекс чувствовал, что все его последние неудачи были порождены не слепым стечением обстоя-

тельств, а чьими-то целенаправленными действиями. Поэтому и договорился встретиться с одним человечком, в бытность работавшим в «органах». Знал тот много, потому и врагов много имел. Но до сих пор умудрялся выкручиваться благодаря своему умению в нужный момент подсовывать нужному врагу нужную ему информацию, тем самым превращаясь для него в нужного человека. И эта встреча оказалась для Алекса небесполезной. Лет пять назад, когда в стране все бродило и устанавливалось, был у него один покровитель. В предпринимательской среде к нему относились с пietetом и между собой называли Иваном, чего было вполне достаточно, чтобы знать, о ком идет речь. Хотя в действительности о нем мало что знали. Для большинства он был вне зоны доступа, но сам достать мог кого угодно. Понимая, что такие люди обычно обрастают байками, Алекс не проявлял к нему излишнего любопытства. Собственные дела его интересовали куда больше. Пришло время и, приглядевшись к Алексу, Иван решил сделать из него ездовую лошадку, надоумив заняться новым делом. Он же и научил его «перетирать» нужные темы с нужными людьми, и с «крышей» жить «по понятиям». Алекс «догонял» быстро, зная, что с тугодумами у этих людей разговор короткий. Будучи несведущим в нюансах нового бизнеса, он заранее согласился на все условия. Не было у него выбора. А условия эти оказались кабальными. Услугами старика он давно не пользовался, а проценты по-прежнему капали в чужой карман.

Был бы он один такой у Алекса или хоть брал бы по совети, тогда ладно. А так... жирновато получалось. Так как этот «летучий голландец» уже пару лет, как не подавал признаков жизни, Алекс решил забыть на месяц о мзде, потом еще на месяц, и еще... Прямой реакции на его «наглый беспредел» не последовало. Но ему живо дали понять, что на манеже все те же. Удары посыпались так, что он не знал, с какой стороны отбиваться и откуда ждать новых: проверки вдруг раскапывали надежно сокрытые огрехи, участились споры с новыми застройщиками из-за нарушения санитарно-защитной зоны, срывались сделки по пустяшным причинам. Дошло до того, что однажды ему чуть не подожгли склад неизвестно как забравшиеся туда бомжи, напихав между досок окурков. Сначала он думал, что его хотели проучить. А вот сейчас узнал, что каша заварилась покруче. Пока оставалось под вопросом – уничтожить или прибрать к рукам его бизнес. И в этом узнавался тот же почерк. Иначе сразу спалили бы все к чертовой матери, и дело с концом. «Хватит полагаться на авось, – решил он, – видно, придется защищаться».

Потом позвонил Ходак. Им вместо фактурного обивочного велюра фуффло подсунули. Разобрались. Оказалось – не фуффло, и цена та же. А что делать – возвращать или в ход пускать – решать ему, Алексу. Пришлось ехать.

За городом у Алекса были пилорамы и мебельный цех. Начинал он с не особо прибыльной небольшой пилорамы,

но идея была с дальним прицелом – в перспективе модернизировать ее в деревоперерабатывающее предприятие. Поначалу, как и в любом деле, получалось не все гладко. Частенько возникали проблемы с поставщиками, да и пока наладили сбыт, довелось объездить им с Ходаком все города и веся. Сбывали продукцию частным застройщикам. Постепенно покупали оборудование, расширяли помещения. Увеличили клиентуру до строительных организаций и мебельных цехов. Однако зимой спрос на продукцию падал. Вот Ходак и подал идею – самим заняться производством мебели. Тут началась новая «эпопея», по сравнению с которой лесопилка была детским стишком. Спрогнозировать этот бизнес было непросто, потому что невозможно было предсказать изменение вкусов покупателей и их платежеспособность. Поначалу изучали спрос, применяли индивидуальный подход, изготавливая мебель на заказ. Наладив сбыт, перешли к мелкосерийному производству корпусной кухонной мебели и шкафов, параллельно продолжая изготавливать под заказ мягкую мебель. Ходак ведал технологией изготовления, Алекс заведовал материальной частью. Со временем обновили оборудование, из арендованного помещения перешли в свой собственный цех. От офиса далековато. Зато дешевле получалось, да и спокойнее.

Увиденное «добро» Алекса отнюдь не обрадовало. Какая там фактура, к чертям?! Никакого товарного вида! С рабочими Ходак сам утрясет. В любом случае без дела сидеть

не будут. А Алексу – трубку в руки и, мат-перемат! – копейку свою назад выцарапывай.

А тут еще одна «радость» подкатила. С мини-типографией незадача. Зданьице рядом с цехом, с бумагой проблем нет. Оборудование заказали. Завози и работай. Хорошо – вовремя выяснили, что оборудование ошибочно заказали другой марки. И клиенты есть, и заказы есть. Только дела им нет до твоих проблем. Ты сам же им проблемы создаешь, получается. У них свои сроки. И бланки людям нужны, и выпить охота. А кто бутылку без этикетки продаст? Кого твое оборудование интересует? Задницей штампуй, раз растяпа! А нет – извини да подвинься. Желающих без тебя хватает. «Это завтра, – решил Алекс, – здесь с наскака не решить».

Потом поехали с Афанасьичем в налоговую, грехи его замаливать. Замолить, замолили, а штрафик вынь да положь. Положить, конечно, можно, кабы вынимать не из своего кармана.

Некогда было ему думать о делах сердечных. Он и не думал. Тем более, что думало раскалывалось, как с перепоя. После нервоотрепки с налоговиками Алекс решил: «Все! На сегодня хватит».

Тут-то он вспомнил и о доме, и о жене, и о том, что объясняться с ней все-таки придется.

По дороге домой он заехал перекусить. Весь день на обезболивающих. Нога болит, голова трещит – кусок в горло не идет. А надо. Дома ужин, конечно, готов. И покормить-то,

жена его покормит. Да только после того, что он ей сказать собирался, самому уже неудобно будет есть этот ужин.

8

Открыв дверь, он вошел в квартиру. В ответ – гробовая тишина. Поставив в передней кейс, он небрежно нацепил плащ на крючок. Разбитый и злой, похромал в он гостиную.

Уставившись в журнал, Аля сидела в глубоком кресле и при его появлении даже бровью не повела. Ни на что иное он не рассчитывал. Пусть за пять лет совместной жизни он и уходил не раз, хлопнув дверью, но на то и причины были. С его точки зрения – веские. Если же у него случались неотложные дела, он никогда не уезжал, не предупредив жену. Верила она ему или нет, дело десятое. Так или иначе, совесть его была чиста. Не его вина в том, что у жены буйная фантазия. Добро бы сидела затворницей. Чего не причудится от жизни такой. Хватало у нее дел, хватало. То косметичка, то массажистка, то бассейн, то теннис. Еще и на живописи помешанная. Богема... Папочка-художник с детства приобщил доченьку к прекрасному. Хоть Алекс считал, что как раз дочь и была наилучшим его творением. Ни одной выставки не пропускала. Ходишь и ходи себе, кто ж против? Зачем мужа своего на смех выставить? Сам он в этом ничего не смыслил. Что-то ему, конечно, нравилось, что-то не очень. А почему, объяснить не мог. И когда он слушал,

как все эти умельцы обсуждали, в какой технике что написано, да где какого пятна недоставало, чувствовал себя неловко. Круглым дураком он себя чувствовал, полным невеждой, беспросветным тупицей! Поначалу он добросовестно пытался запомнить имена современных маститых и именитых, а также их творения. Но в голове получалась каша. Он даже выставку помог организовать Алькиному другу. Не то чтобы «шедевры» его понравились, хотелось жене угодить. В благодарность услышал, как тот шепнул его жене на ушко: «Твой муж в этом деле полный профан». «Правильно, – рассудил Алекс, – профан и есть». Потому и мазней, которая ему совсем не нравилась, дома все стены увешены. Перестал деньги на ветер выбрасывать, ходить—скучать—зевать по выставкам. И ничего, только лучше жилось. В конце концов, каждому свое – кому-то – картины писать, кому-то – деньги зарабатывать. Но сама-то она бегала. Носилась по Питеру, что-то устраивая, кому-то помогая, кого-то продвигая. Алекс приблизительно представлял себе, как оно все устраивалось-помогалось-продвигалось. Иными словами – бег на месте. Но с пользой – шмотками новыми можно покрасоваться. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы его, Алекса, поедом не ело. Так ведь ело же. Вот и выкусило...

Алекс в упор посмотрел на жену. Чего уж теперь ее винить? Да и зачем вообще искать виновного? Виновного ищут, когда можно что-то исправить. У них же с Алей все

уже, увы, непоправимо...

Он тяжело опустился в кресло. Та же мертвая тишина. Не очень-то и спешил он ее нарушать, слишком хорошо знал, что обычно за ней следовало. Да и сделать это сейчас ему было вдвойне труднее. Но и молчание становилось все тягостнее.

– Зачем ты делаешь вид, что меня здесь нет? – пытаюсь подавить раздражение, хрипло спросил он. – Тебе нужны мои извинения? Извини. Раскаяние? Его не будет.

Отбросив журнал, она холодно спросила:

– Где ты был?

– На работе, ... – уставившись в пол, ответил Алекс.

– С каких пор ты стал работать по ночам? – жена понемногу набирала обороты.

– Не закатывай сцен, иначе ничего не получится. Я просто встану и уйду. Я слишком устал.

– Неудивительно, – отрезала Алиса. – Шляться по ночам. В твои-то годы!

– Оставь мои годы в покое. Я не шлялся, – мрачно отрезал Алекс.

– Да! Это у нас называется – зарабатывать деньги! – выкрикнула она ему в лицо. – А я-то полагала, что в чужих постелях их только оставляют!

– Прекрати, – поморщился Алекс. – Мне надо с тобой поговорить.

– Что нового ты можешь мне сказать?

– Извини, я не смог позвонить,... – начал было Алекс, но жена тотчас перебила его.

– Кому нужны твои звонки? Наговорить можно все что угодно. С какой стати я должна тебе верить?

– Придется.

– Но...

– Прекрати! – перебил ее Алекс, ударив ладонью по столу. – Я не собираюсь тебе лгать. Я встретил женщину. У тебя есть выбор – либо жить с этим дальше, либо разводиться. Думаю, жить с этим ты не согласишься. Но... я прошу тебя, не сейчас. Я очень устал, – с этими словами Алекс поднялся, собираясь пойти в душ, но жена ледяным тоном припечатала:

– Дошлялся.

– Называй это как хочешь, – устало ответил он. – Я понимаю, тебе сейчас больно. И мне больно, поверь. Сейчас – по живому.

– Кобель, – дрожащими губами бросила Алиса.

Алекс замер на полпути. Он снова опустился в кресло.

– Нам обоим надо свыкнуться с этой мыслью. С теми деньгами, которые я тебе оставлю, ты устроишь свою жизнь. А я уже не встречу. Давай... на этом закончим пока, а?

Он понимал, что разговор на этом не закончится. Глупо, да и, пожалуй, жестоко было его так заканчивать. Понимал, что жена заслужила хоть каких-нибудь ласковых слов. Но в его голове таких не нашлось. Их подавила невероятная

усталость.

– Аль, прости. Я сейчас просто не в состоянии говорить, – выдавил он из себя.

Казалось, до нее понемногу стал доходить смысл его слов. Какое-то время она напряженно о чем-то думала. Потом вскинула к нему глаза, словно спрашивая: «Правда?»

Алекс выдержал этот взгляд, подтверждая правдивость своих слов.

– Я знаю, ... – глядя перед собой невидящим взглядом, вся она переменялась, потухла, – я знаю, что не сделала тебя счастливым. Я всегда это чувствовала, – она судорожно вздохнула. – Я старалась, но у меня не получалось. Я догоняла, а ты убегал. Да, ничего, кроме добра я от тебя в жизни не видела. Прости.

Поднявшись, он подошел к жене и присел на подлокотник. Какое-то время он смотрел так на нее сверху вниз, потом обнял за плечо, проведя ладонью от груди к шее, приподнял подбородок.

– Могу тебя утешить, – уставшим тоном произнес он. – Скоро не будет крутого Алекса, а будет тихий человек Алексей Иванович Нифонтов. Потому что уже год, почти год, я стараюсь собрать воедино то, во что вложил пять лет своей жизни. А оно рассыпается как песок сквозь пальцы. Ну и пусть. Нормальную жизнь я тебе обеспечу. Оглянись вокруг. Ты будешь жить лучше. Да и я спокойнее...

– Поступай как знаешь, – продолжая думать о чем-то сво-

ем, безучастно ответила Алиса. – Как ты меня измучил. Почему ты меня не отпустил?

– Я тебя и не держал. Я и сейчас не ставлю тебе условий. Аля подняла к нему полные слез свои карие глаза.

– Неужели все?... – прошептала она, заглянув ему в душу.

Как же там все встрепенулось, как все перевернулось в его душе от одного единственного ее взгляда! Многие сказали ему этот взгляд, то, чего не выразить никакими словами.

9

Сколько так просидела в кресле, Аля не знала. Должно быть, долго. Ноги затекли. Переведя взгляд на окно, она заметила, что стемнело. Поднявшись, она тихо подошла к спальне и приоткрыла дверь. Муж спал, привычно упершись щекой в подушку, отбросив одеяло. Но она не стала поправлять постель, неосторожным прикосновением боясь разбудить его.

Мысли прыгали, рука привычно потянулась к телефону и принялась набирать знакомый номер.

– Мама? – спросили губы, лишь только в трубке прозвучал родной голос. – Мамочка...

– Что случилось? – МММ с ходу определила состояние дочери.

Они с Алей не столько понимали, сколько чувствовали друг друга. Аля была ее единственной дочерью, умницей

и красавицей, и именно за нее она благодарила Бога, считая, что жизнь ее удалась. Удалась она и у дочери. Если бы не беспочвенная тревога, которой дочь в последнее время стала донимать ее все чаще, можно было бы до конца дней наслаждаться обеспечиваемой зятем тихой скромной жизнью. До сих пор ей без особых усилий удавалось успокаивать дочь, снабжая при этом парой-тройкой дельных советов, пополняющих багаж ее маленьких женских хитростей. Так, на всякий случай. Но сейчас она просто всей кожей ощутила, что этот случай наступил.

– Случилось, – еле слышно произнесла Аля. – Сегодня мои глупые фантазии превратились в реальность.

– Это как сказать, – по привычке МММ продолжала «держаться фасон».

– Он встретил какую-то женщину. Он сам сказал мне, понимаешь?

Лишь только дочь завела старую пластинку, МММ облегченно вздохнула.

– Ну, это по молодости... Лет через двадцать ты вообще перестанешь обращать на это внимание.

– Я все еще люблю его.

– Аленький, ты любви-то еще и не знала. Да лучше и не знать, – вздохнула МММ о чем-то своем. – Со временем ты научишься любить себя. Поверь, так происходит со всеми. Надеюсь, ты не стала с ним спорить?

– О чем?..

МММ вздохнула.

– Аленький мой цветочек... Да пусть встречает себе, кого хочет. Главное, не мешай ему. Старайся вообще не замечать. Тогда эта блажь и пройдет быстрее.

Але даже жутковато стало, не так от этих слов, как от тона, красноречиво подтверждающего их правдивость.

– Ты так спокойна,... – поразилась она. – Неужели ты не любила папу?

– Полюбила, на свою голову. А потом всю жизнь мечтала, чтобы он разлюбил меня. Я так устала устраивать нашу жизнь. Устала от неопределенности и постоянного безденежья. Ты же помнишь, как мы жили? Поверь, девочка моя, без любви гораздо проще прожить, чем без денег. До сих пор ты мне верила и все делала правильно. Поверь и сейчас. Не закатывай ему сцен и никуда он от тебя не денется.

Конечно, Аля помнила, как холила и лелеяла ее мама, внушая при этом, что в игре под названием жизнь дочь непременно должна использовать все козыри, которыми так щедро наградила ее природа. Она же и подсказывала, когда и в какой момент их вынимать. Отец тоже был неплохим человеком, это был, пожалуй, единственный его козырь. Отцом же он был никаким. Плененный великой силой искусства, все бытовые проблемы он перекладывал на плечи своей «вдохновительницы», как в шутку частенько называл он жену. В действительности же она была скорее «устроительницей» его жизни, на все лады расхваливая его работы, ища

для него заказы, умудряясь на выставках втискивать его творения между работ успешных художников, поддерживая отношения с нужными людьми, позволяющие, в свою очередь, худо-бедно поддерживать мужа на плаву культурной жизни северной столицы. Так как похвастаться особо было нечем, она изо всех сил пыталась окружать его ореолом таинственности, выдавая его за непризнанного гения, осторожно намекая на вечность. Но и эти взгляды, к сожалению, разделить с ней было некому. Окончательно убедившись, что понюхать лавра мужниной славы ей не удастся, она, будучи по натуре человеком деятельным, переключила все старания на дочь. Годами она неустанно хлопотала, где только ни испробовав способности дочери. И к началу ее совершеннолетия получилось, как у Пушкина – «все мы учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь». Но вместе с тем Аля не могла не признать, что и неплохо получилось. Красивой осанкой и походкой, возможностью выдать при случае что-нибудь эдакое на фортепиано или зажечь в экстравагантном танце, неплохими познаниями в живописи и сносной игрой в теннис она была обязана именно маминой заботе и терпению. Немного погодя мама объяснила ей, что она должна использовать выгоду не столько от приобретенных знаний, сколько от заведенных когда-то с детской непосредственностью знакомств. Как? С такой же ни к чему не обязывающей непосредственностью поддерживать их. Главное, примелькаться, появляясь в нужных компаниях и нужных местах настоль-

ко часто, чтобы ее считали своей. Как говорится – в каком море плаваешь, такую и рыбку ловишь. Через пару лет такой рыбалки изо всего улова наиболее привлекательным маме показался Алекс. Не задумываясь о мотивах такого выбора, Алиса и в этот раз слепо доверилась матери. И следуя ее же советам, добросовестно принялась осваивать роль образцовой жены. На пару лет ее хватило. А дальше все пошло вкривь и вкось. Роль свою она освоила быстро и играла безупречно, да и он был неплохим мужем. А счастья не было.

– Похоже, у него это серьезно, – безрадостно констатировала Алиса.

До чего же знакомо было это МММ. Другие родители нарадоваться не могут, когда у них покладистые дети. Но Аля... вся в отца. Или она сама такими их сделала своей чрезмерной опекой? Да что уж, теперь уж?.. Думать надо, как бы зять родную дочь на улицу без копейки не выставил. Он вроде и спокойный, и нежадный, а скажет как отрежет. До сих пор помнила, как зятек осадил ее, когда она вздумала предложить свою помощь в его процветающем бизнесе. Поди, узнай теперь, что там у него на фирме творится и удастся ли, в случае чего, хоть что-то оттяпать.

– Ты, главное, свое дело помни, – назидательным тоном продолжала она, – а я уж, так и быть, прослежу, что там за фифа у него выискалась. Не переживай, я ей хвост-то поприжму.

– Вдруг он узнает?

– Не узнает. Если не глупая, будет помалкивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.